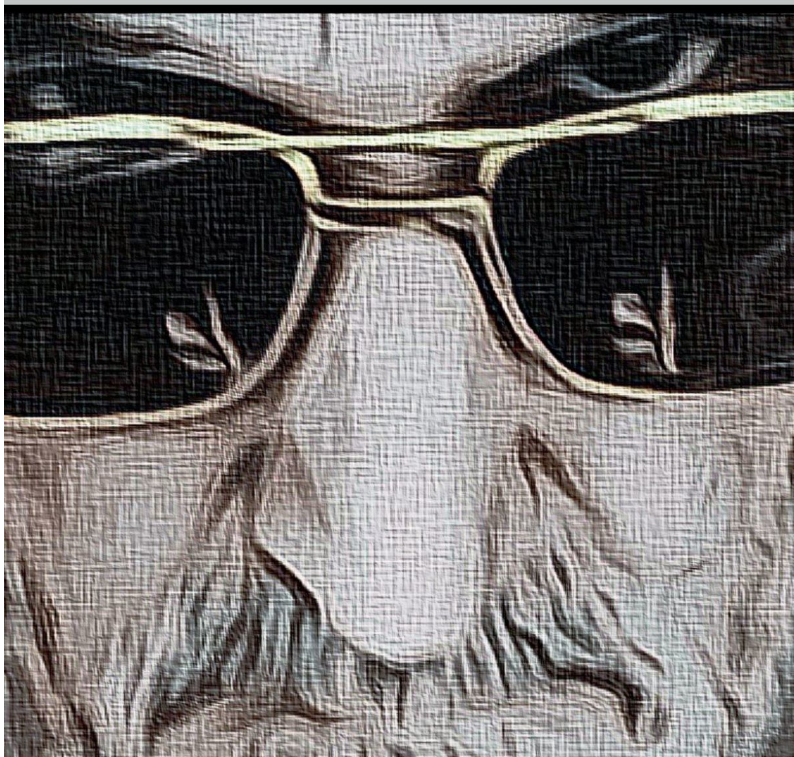

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕНОВ

Истории, рассказанные бывшим следователем

Александр Черенов

Истории, рассказанные бывшим следователем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42673618

ISBN 9785449689382

Аннотация

В бытность следователем автор расследовал сотни уголовных дел: убийства, изнасилования, хищения в особо крупном размере. Некоторые из его «клиентов» были расстреляны по приговору суда, другие приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Одни из этих дел уже невозможно вспомнить за давностью лет, другие – из-за своей очевидности и простоты: «простые» убийства, «простые» изнасилования. Но некоторые из дел остались в памяти навсегда. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	5
...Но последнее слово – за мной	6
Глава вторая	14
«Безголовка»	15
Глава третья	27
Бог шельму метит	28
Глава четвёртая	33
Братская любовь	33
Глава пятая	41
Жертва урожая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Истории, рассказанные бывшим следователем

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-4496-8938-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

...Но последнее слово – за мной

Мне в очередной раз «крупно везёт»: я получаю загубленное дело. Даже дважды загубленное: с истекшими процессуальными сроками – со всеми возможными продлениями – и истекшими сроками содержания под стражей трёх следственно арестованных мужичков. «Постарались» следователи местного РУВД: самая бестолковая публика во всей системе внутренних дел.

По заявлению потерпевшей дело возбуждено по статье «нанесение телесных повреждений средней тяжести»: «ментовская» подследственность. Но через два месяца «вдруг выясняется», что потерпевшая не только избита, но и изнасилована этими же фигурантами. Следователи РУВД один за другим – всего в количестве трёх «очень крупных специалистов» – «тянут резину» ещё два месяца: хотят расследовать изнасилование, чтобы «утереть нос прокуратуре». Но «что дозволено Юпитеру, не дозволено быку» – и через четыре месяца дело направляется «по подследственности» в прокуратуру.

К своему производству его принимает наш новичок, только что окончивший юрфак – заочно. Правда, мужик – не пацан: тридцать два года, два года армии, двенадцать лет работагой на заводе, женат, двое детей. Только, вот, ума этот житейский стаж ему не прибавил. Он – не первый из тех,

«кому не дано»: у меня уже был такой «сослуживец», когда я только начинал карьеру в занюханном приморском городишке на краю бескрайней пустыни.

Итог всех стараний новичка – ещё два вхолостую потраченных месяца. И только теперь дело передают мне.

– Надо было сразу тебе передать! – усердно посыпает голову пеплом прокурор, – но я думал – дело простенькое, даже новичок доведёт его до суда. Выручай!

Вздыхаю, но делать нечего... кроме того, что есть много, чего делать. Начинаю изучать материалы дела, и мне становится нехорошо: обвинение построено целиком на показаниях потерпевшей. Целиком и полностью. Больше – ничего. Ничего материального: никакой спермы, никаких повреждений половых органов, никаких следов на одежде потерпевшей. Ничего, кроме слов «жертвы насилия».

Правда, криминалистическая экспертиза наложения микрочастиц обнаружила кое-какие волокна с одежды одного из арестантов на кофте жертвы, но и только. Этот же арестант признался в том, что пару раз «съездил по физиономии» «жертве», но не в процессе изнасилования, в ответ на якобы оскорбление с её стороны. Этот факт «мордобоя» подтверждает и один из двух других «соучастников». Но факт изнасилования все дружно отрицают. Я не сомневаюсь в том, что частичное признание получено в РУВД после «профилактической обработки» «клиента»: арестант смекнул, что сесть за хулиганство лучше, чем за изнасилование.

Начинаю с очередного – их уже чёртова уйма – допроса потерпевшей. Ничего нового, но один момент утешает: девушка, кажется, твёрдо стоит на своём. На нашем с ней, то есть: подтверждает факт изнасилования. И всё равно я в сотый раз вопрошаю:

– Ты не откажешься от своих слов?

У меня имеются основания для подобных сомнений: девушка – типичная шлюха, причём, откровенно вокзального типа. Потасканная, испитая рожа, которую язык не поворачивается назвать лицом, одежонка «будто с помойки», специфическое хихиканье, разговорная речь ниже уровня ПТУ – всё это характеризует «жертву насилия» лучше всяких слов.

Ситуация – классическая: «что такое ничего, и как из него сделать что-то?». Поэтому я снова допрашиваю всю троицу. «Хулиган» частично признаёт вину, но все трое «идут в отказ» по изнасилованию. Приходится устраивать очные ставки. Я не хочу, чтобы всех троих этапировали в РУВД в одном «автозаке»: конечно, они уже и в СИЗО «спелись», но я всё равно не хочу. Поэтому я везу «потерпевшую» в СИЗО и провожу очные ставки со всеми тремя «клиентами» по очереди. Шлюха держится – и это меня частично успокаивает.

Я не могу «высосать из пальца» отсутствующие доказательства, поэтому занимаюсь «бумаготворчеством»: собираю характеристики, допрашиваю соседей, родственников, друзей, товарищей по работе, уточняю заключения экспертов. Конечно, всё это – «мёртвому припарки», потому что

изначально обвинение строилось как дом на песке: стоит шлюхе отказаться от своих показаний, и всё рассыплется в прах.

И я чувствую, как вокруг «потерпевшей» начинаются телодвижения. Вначале чувствую, а вскоре уже и вижу: защитники обвиняемых «обхаживают» её со всех сторон. Я не сомневаюсь в том, что стимулировать её будут не уговорами, а хорошим рублём. К сожалению, мои сомнения оправдываются в самом ближайшем будущем: на суде. Шлюха всё время находится в окружении адвокатов, но мне удаётся улучшить момент и прямо спросить ей:

– Ты готова отказаться от своих показаний?

– Нет, что Вы! – лепечет «потерпевшая», и почему-то краснеет и прячет от меня глаза. Я вижу, как иронично-снижительно на меня посматривают адвокаты. Я слышу, как они эту «вокзальную подзаборную» называют уменьшительно-ласкательным именем «Людочка», и как эта «Людочка» буквально млеет от восторга.

Через пару часов помощник прокурора – толковая баба, которая поддерживает обвинение – «спешит обрадовать» меня:

– Эта сучка отказалась от показаний! Теперь её никто не насиловал, только один из них несколько раз ударил её в лицо, и то не «в контексте» изнасилования! Двоим – оправдательный приговор, третьего – под подписку о невыезде! Вот же тварь!

Я дожидаясь оглашения приговора, выхожу в коридор и вижу сияющую рожу шлюхи и такие же сияющие физиономии трёх адвокатесс. Увидев меня, последние откровенно смеются мне в лицо. Я столбенею от ярости, но только на мгновение. Уже в следующее мгновение я вспоминаю Высоцкого: «Он слишком рано нас похоронил! Ошибся он – поверьте мне, ребята!».

– Ничего, блядь, будет и на нашей улице праздник!

Я стремительным шагом подхожу к шлюхе, хватаю её за руку и выдёргиваю из «тесного круга друзей».

– Вы что себе позволяете?! – пытается корчить из себя начальство одна из них.

– Молчать!

Вероятно, у меня такое «внушительное» лицо, что «несостоявшаяся защитница» моментально уменьшается в росте, а с физиономией двух её товарок победительные улыбки облетают, как осенняя листва с деревьев. Я тащу шлюху в свой кабинет.

– Сидеть тут, сука!

Я сажаю её на лавку для свидетелей, хватаю со стола папку, выхожу из кабинета и запираю за собой дверь.

– Нет, ну, какая сука!

Именно такими словами встречает меня прокурор: даже такого, как он, «достала» ситуация.

– Я как раз по этому поводу!

И я кладу на стол заполненный бланк постановления

об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей. Прокурор читает – и болезненно морщит лицо.

– Ну, ты же знаешь, что через месяц будет амнистия?

– Ничего, пусть хоть месяц посидит на параше, сука!

Удивительно, но обычно нерешительный и трусоватый, на этот раз прокурор молча берёт печать, шлёпает её на постановление и расписывается в графе напротив своей фамилии.

– Действуй!

Я возвращаюсь в кабинет и вижу, что конвой – который уже не нужен – ещё не уехал. Подзываю к себе хорошо знакомого мне начальника конвоя и вручаю ему постановление об аресте.

– А где «клиент»?

Я отпираю дверь и вижу, как эта сука дёргает решётки на моём окне. У меня чешутся руки «вломить» ей от души, но я сдерживаюсь: мой ответ – впереди.

– Забирай!

На руках у шлюхи защёлкиваются «браслеты». Начальник конвоя «сопровождает» её кулаком в спину – и они исчезают за дверью.

На следующий день я бросаю все дела и еду в СИЗО. На мою удачу, сегодня дежурит моя выводная. Сегодня она мне нужна не только для того, чтобы доставить «клиентку» на допрос в следственный кабинет. Но сначала я предъявляю шлюхе обвинение.

– За что?!

Шлюха уже не улыбается. Всё точно по Высоцкому:
«Но сегодня – не так, как вчера!»

Я разворачиваю Уголовный кодекс и в буквальном смысле тычу её носом в статью.

– Читай, сука: «Клевета, соединенная с обвинением в совершении государственного или иного тяжкого преступления, – наказывается лишением свободы на срок до пяти лет».

Минуту она тяжело дышит – и вдруг потасканная её рожа кривится в ухмылке.

– Ничего – скоро уже амнистия.

Ох, как мне хочется врезать по этой мерзкой роже! Но я сдерживаюсь.

– Обвинение понятно?

– Понятно.

– Распишись за то, что «понятно».

Шлюха расписывается. Я складываю бумаги в папку, папку – подмышку, и выхожу в коридор со словами:

– Сиди смирно, сука!

Моя выводная – в коридоре.

– Пошепчемся?

– Слушаю тебя.

– Определи эти суку к профессионалкам. Пусть они её отделают так, чтобы на ней живого места не было, чтобы она, сука, даже на карачках не могла ползать! Сможешь?

Выводная усмехается.

– Только для тебя!

– Ну, ты же знаешь: за мной «не заржавеет»!

Мы легонько прижимаемся друг к другу – и я распахиваю дверь кабинета:

– Она – твоя!..

...С недавних пор я замечаю, как три адвокатессы из юридической консультации нашего района посматривают на меня с каким-то животным страхом. Больше на их холёных губах не блуждает ухмылочка по моему адресу. Я не сомневаюсь в причине: они наверняка видели свою «подзащитную» с фиолетовой рожей и на костылях. Ну, а я здесь ни при чём: таковы тюремные нравы. Я лишь исполнял служебный долг в строгом соответствии с действующим законодательством. Но не стану кривить душой: я почему-то не скорблю в связи с тем, что случилось с этой шлюхой. Оставляю это на совести адвокатов. Глядя мне в лицо и ухмыляясь, они думали, что этим уже сказано всё, что в этой истории поставлена точка. Ими поставлена. Только последнее слово оказалось за мной...

Глава вторая

«Безголовка»

Меня перевели в этот город сразу после «краткосрочной» – почти на четыре месяца – командировки в сельскую глушь. Этот городишко был немногим лучше: серые дома, короткие узкие улицы с разбитым асфальтом, непрерывно висящая в воздухе угольная пыль. Типичный шахтёрский город-спутник. Единственным «плюсом» в сравнении с далёким селом была получасовая досягаемость областного центра.

Времени на «раскачку» мне не дали совсем. Уже на следующий день от моего прибытия уходил в армию стажёр-следователь, а другой следователь уже «сидел на чемоданах» в ожидании скорого перевода в столицу. Так что всё их «наследство» из двадцати с лишним дел всего за несколько дней перекочевало в мой сейф.

Дела были «разнокалиберные», от совсем необязательных возбуждением самоубийств до убийств с особой жестокостью. Особое моё внимание привлекло одно дело. Хотя правильнее будет сказать: «старшие товарищи» привлекли моё «особое внимание» к этому делу. Интриговало оно, прежде всего, необычностью сюжета: молодой парень покончил с собой посредством самоповешения. В этом не было бы ничего удивительного, если бы петля не шла с «приложением» из отрезанного полового члена. Точнее, член был отрезан не пол-

ностью: только головка.

Именно поэтому ироничный стажёр, у которого я принял дело, определил его как «Безголовка». Материалов стажёр насобирал на целый том – и уже начал собирать второй: парень оказался старательный, да и других дел в производстве у него не было. Определённый УПК двухмесячный срок расследования уже истёк, но областной прокурор продлил срок ещё на месяц.

Я быстро пролистал дело. С точки зрения любого нормального следователя – а я уже был «не первый год замужем» – на выходе имелся классический «глухарь»: уйма бесполезных протоколов допроса, обязательные судебно-медицинские и криминалистические экспертизы и даже посмертная судебно-психиатрическая экспертиза «на тему» «А не мог ли будущий покойник перед самоубийством сам себе отрезать член?».

Почему именно в такой «редакции»? Да потому что, судя по материалам, всё дело представляло собой «дорогу с односторонним движением»: мужик сам себе отрезал член, а потом повесился. На каком основании это предположение стало сначала доминирующей гипотезой, а затем и вовсе единственной версией?

Объяснений этому обстоятельству имелось два. Первое: у мужика был небольшой, даже маленький член размером с жёлудь. А поскольку он работал в шахте, то это являлось каждодневным поводом для насмешек со стороны товари-

щей во время помывки в бане. Ему даже «советовали» отрезать член: может, другой – побольше размером – вырастет!

Второй причиной был классический дефицит свежих идей и версий у следствия. И стажёр пошёл по «пути наименьшего сопротивления»: он начал усердно разрабатывать эту «жилу». «Шаг вправо, шаг влево» – и он старательно не отвлекался от «магистрального пути» на ненужные «отклонения от генеральной линии, только мешающие расследованию дела».

Хотя отклонений и не было: парень старательно не замечал ничего, что не укладывалось бы в его такую удобную версию. Тем более что и судебные психиатры вовремя «подыграли»: они допустили возможность «авторского членовредительства» по причине сильного душевного волнения, вызванного систематическими оскорблениями товарищей по работе.

Правда, коллеги-шахтёры, признав факт насмешек, категорически отрицали возможности «усекновения главы» самим будущим покойником. Во всяком случае, он ни разу не обиделся «по-настоящему»: до слёз и мордобоя, не говоря уже о самоубийстве.

Я ещё раз допросил всех шахтёров, который в последний день жизни будущего покойника мылись с ним в бане. Но меня интересовали три вопроса, которые совсем не интересовали моего предшественника. Первый: давался ли именно в этот день совет «срезать старый член, чтобы на его месте

вырос новый»? Второй: находился ли в это время в бане кто-нибудь не из состава бригады? И третий: не случилось ли каких-либо инцидентов в бане или за её пределами,неважно, с участием будущей жертвы или других лиц?

Ответ на первый вопрос не представлял собой никакой новизны: и в этот раз, как и во многие другие, «дружеский совет» был дан. По поводу нахождения в бане чужака соратники разошлись во мнении: одни утверждали, что посторонних не было, другие говорили, что, вроде, был кто-то, но кто именно, вспомнить уже не представляется возможным.

Вопрос по поводу инцидента неожиданно заставил шахтёров шевелить мозгами. Нет, насчёт «внутренностей бани» все были единомышленны: никаких эксцессов. Но по вопросу предбанника один ГРП (горнорабочий подземный) после нескольких неудачных попыток вспомнить всё же «прозрел»: да, такой инцидент имел место быть – и как раз с участием будущего «обезглавленного» товарища. То ли он кого-то толкнул плечом, то ли его кто-то толкнул, но тут же последовал «обмен мнениями друг о друге» и хватание «за грудки». Правда, до полноценного «выяснения отношений» развиваться инциденту не удалось: то ли «враждующие стороны» внезапно охладели друг к другу, то ли кто-то их разнял. На вопрос «Кто это такой?» будущий «безголовка» ответил: «Да, так – один хрен...».

Я вызвал к себе вдову покойного. Она меня приятно удивила: молодая, красивая, спокойная, даже ироничная.

На мой совсем «не для протокола» вопрос – по поводу маленького члена супруга – она усмехнулась и сказала: «Мне хватало». Но вызывал я её не для того, чтобы задать «непротокольный» вопрос: я собирался ещё раз произвести осмотр места происшествия – их с мужем квартиры. Не обыск, а именно осмотр. Вдова не возражала, и мы отправились «на дело».... по делу.

На месте я «соорудил» из пары соседей понятых и приступил к осмотру. Топтаться в «центре поля» не имело смысла: здесь уже всё «вытоптали» «менты» и прокуратура, поэтому я работал исключительно Феофаном – дьяком Посольского приказа из комедии Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию»: ползал на брюхе и нырял во все потаённые места. Через полчаса ползаний и ныряний произошло то, что поэт определил словами: «Не пропадёт ваш скорбный труд и дум высокое стремление». Другой поэт тоже был бы уместен: «Навозну кучу разгребая, петух жемчужину нашёл».

В переводе на житейскую прозу: в стопке слежавшейся пыли под днищем неподъёмного раскладного дивана я нашёл пуговицу. Пуговица «шла в комплекте» из оборванных ниток и кусочка ткани, то есть, была выдрана «с мясом».

– Ваша?

Я демонстрирую пуговицу вдове. Та отрицательно машет головой. Я ещё раз ныряю головой под диван и уже собираюсь выныривать обратно, как вдруг...

– А вот это интересно...

Я вижу на полу два крупных пятна, слегка припудренных пылью. Лезвием для бритвенного станка я срезаю стружку с пятнами и рассматриваю её на свету.

– Что это? – включается вдова.

– Как сказал бы эксперт: «бурые пятна, похожие на кровь»... Только как они оказались здесь, если лужа крови была в трёх метрах отсюда? Вряд ли кровь оттуда могла долететь сюда. Да и если бы долетела, то брызги были бы во все стороны, а их нет! Пятна – только под диваном...

– И что это значит?

Я вижу, как вдова «оживает»: она, как и братья покойного, не верит в то, что муж покончил собой, да ещё таким изверским способом.

– Выводы – потом...

Я задумчиво обрабатываю ладонью подбородок. Наконец, меня «дополнительно осеняет».

– Скажите, а муж мог Вас приревновать к кому-либо?

Вдова не удивляется моему вопросу, а лишь медленно поводит головой из стороны в сторону.

– Я не давала ему повода. Ни разу.

Но я уже «оседлал конька».

– А сам он – прошу меня понять правильно, это не праздное любопытство – сам он не мог «развлечься на стороне»?

Женщина хмурится и пожимает плечами.

– Ну, вообще-то он парень красивый... был...

Согласен: братья покойного уже демонстрировали мне до-

машинный фотоальбом. «Безголовка» в бытность живым человеком был точной копией артиста Михаила Боярского времён «Трёх мушкетёров». Такому девки должны были вешаться на шею гроздьями – а тут, как говорится, «возможны варианты»...

Я начинаю разрабатывать это направление. Мне необходимо установить «круг общения» покойного – вернее, перечень жертв его «коварно-неотразимой внешности». Я вновь встречаюсь с шахтёрами из его бригады... и нащупываю первые контакты: как и всякий красивый, но недалёкий мужик, «Безголовка» любил хвастаться своими победами на «любовно-постельном фронте».

Я навещаю первую «удостоенную знакомства с членом красавца». Конечно, первая она – только в моём списке, но вряд ли в его постели. Первая даёт ниточку ко второй, вторая – к третьей, третья... Я не помню, какой была по счёту очередная «единственная любовь», но только я сразу почувствовал: клюёт! И не какой-то, там, пескарёк: акула!

Девчонка заполучила не только сомнительное удовольствие: «Я думала, у него член в полметра длиной, а там гороховый стручок!» – но и ещё более сомнительные в части удовольствия последствия. Хорошо ещё, что срок беременности позволял сделать аборт, да и триппер излечился за пару недель.

– А зачем Вам это? – вдруг насторожилась девчонка.

Я постарался покривить щекой как можно естественней.

– Родня покойного пытается уверить в том, что он был «ангел во плоти». Вот я и собираю материал для «художественного портрета». Вы у меня уже... нет, я уже сбился со счёта...

– А-а-а-а!

Девчонка зримо успокаивается, и я раскланиваюсь. В тот же вечер я наведываюсь в квартиру к её старшему брату. И не один наведываюсь: с «группой товарищей»... из местного ОУР. Почему именно к нему? Никакого секрета: потому что я уже показал его фотографию в бригаде «Безголовки» – и «вспомнивший за инцидент в бане» тут же опознал его как того, кого будущий покойник определил словами «Да, так – один хрен».

Во время обыска «брат» был сначала чернее тучи, а затем и вовсе «утратил политическое мужество»: парень не был «уркой», а потому не умел держать ни фасон, ни удар, то стало особенно заметно после того, как я – в присутствии понятых, разумеется! – вытащил из чрева старенькой стиральной машины мужскую рубашку. Она была бы ничем не примечательной, если не два «но»: «неродная» пуговица и явно застиранные пятна крови.

– А, вот, «моя» пуговица – которая твоя – идеально подходит!

И я прикладываю пуговицу к рубашке. Парень ещё ниже опускает голову.

– Как ты сам понимаешь, криминалистическая эксперти-

за без труда установит принадлежность этой пуговицы, ниток и обрывков ткани твоей рубашке. А «судебная биология» докажет, что кровь «из этих пятен» – одной группы с кровью покойного... Ну, что: сам расскажешь – или помочь?

Парень делает протяжный выдох – и обречённо машет рукой.

– Я всего лишь хотел набить ему морду... для того и пришёл к нему в квартиру...

– Как узнал, что он будет один дома?

– Следил за ним...

– И что было дальше?

Парень нахмурился. Нет, он не припоминал: он помнил всё.

– Я позвонил в дверь. Он открыл, но успел только ухмыльнуться: я врезал ему по морде, вошёл в квартиру и закрыл дверь за собой. Я собирался его всего лишь «отметелить»... за сестру... за позор, о котором узнали, если не все, то многие. А этому гаду – всё «хрен по бороде»!..

– Дальше!

– Дальше я за шкуру затащил его в зал...

– Для «продолжения работы»?

– Ну, да... Но он оказался «здоровый бык»... Только я наклонился над ним, как он вцепился мне рукой в рубаху так, что она затрещала по швам, а потом локтем врезал мне по носу.

– И из носу пошла кровь?

– Да.

– А пуговица?

– Отлетела, когда я вырвался...

Парень шумно выдохнул ноздрями, поводя головой из стороны в сторону, словно не веря, то ли тому, что это случилось, то ли тому, что попался.

– Как он оказался в петле?

Парень развёл руками.

– Случайно... Я не хотел... Я ему врезал ногой по яйцам, и уже собирался уйти, а он...

– «А он»?

– ... Крикнул, что моя сестра – шлюха, ничем не лучше всех других, которых он «оприходовал»... Вот тогда я и схватил верёвку...

– А верёвка – что: «рояль в кустах»?

Мы усмехаемся одновременно: убийец неожиданно составляет мне компанию.

– Нет, она лежала на подоконнике. Обычная бельевая верёвка... Ну, вот я и придушил гада. А потом привязал верёвку к крюку, на котором висит люстра, смастерил петлю – и вырубил этого гада ударом в печень: я – кмс по боксу... Когда он перестал трепыхаться, я приподнял его за пояс и сунул в петлю...

– А идея с членом?

Убийец криво усмехается.

– Экспромт... И потом... мне вдруг подумалось, что это –

действительно идея: два – в одном. То есть, он как бы исполняет совет друзей, а для меня это дополнительная месть за сестру... Вот я и «укоротил» его на «головку»...

Убийец сокрушённо качает головой.

– И ведь «прокатило». Жаль только, что Вы не поверили...

– А не наоборот?

Убийец устремляет на меня недоумевающий взгляд.

– Не понял...

– Объясняю: может, сначала был член, а петля потом?

Он реагирует моментально.

– Нет, сначала была петля!

– Соображаешь!

Сейчас моя очередь усмехаться.

– Думаешь таким образом избежать «особой жестокости»?

Парень молча уходит от меня глазами.

– Ну, да ладно... А как же ты не нашёл пуговицу?

Убийец с честным сожалением на лице разводит руками.

– Не нашёл... Кровь пошла носом... Да и времени уже не было...

– А рубашку почему не выбросил? Коллекционировал улики против себя?

Убийец кривит щекой в усмешке.

– «Жадность фраера сгубила»... Рубашка – совсем новая, китайская «Дружба» – чистый хлопок...

За совершение умышленного убийства с особой жестокостью — я подстраховался «вышаком», да и согласно акту СМЭ на момент «усекновения» будущий труп ещё был жив — убийца был «вознаграждён» пятнадцатью годами лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Суд, из-за моей подстраховки лишённый возможности вернуть дело на дополнительное расследование, даже не стал переквалифицировать обвинение на менее тяжкое типа «убийство в состоянии сильного душевного волнения» или что-нибудь в этом роде. Ну, а я постарался посредством материалов дела донести «светлый образ шахтёра-кинозвезды» до сведения широких масс трудящихся, ибо, как сказал Господь: «по делам вашим судимы будете». «Jedem das seine»: «Каждому — своё»...

Глава третья

Бог шельму метит

Я уже говорил о том, что следователь дел не выбирает: все, какие «Бог пошлёт» – чаще всего, в лице прокурора. Узкая специализация – это для глупого кино. Единственное, что верно: дежурный следователь выезжает на все трупы. На все: убийство, самоубийство, несчастный случай, без признаков насильственной смерти и т. д.

Вот, почему я оказался у небольшого котлована во дворе обычной «сталинской» трёхэтажки. Котлован был рукотворный: слесари районного ЖКХ постарались. Только не до конца постарались: яму выкопали – а огородить её или хотя бы обозначить верёвочкой с флажками поленились. В результате в котлован упала и утонула трёхлетняя девочка. Я сам багром вылавливал её из этого «озера» глубиной в два метра и площадью в тридцать квадратных метров. А так как везти тело в морг было не на чем – «Скорая помощь» в роли «труповозки» – тоже для тупого кино – мы посадили мёртвую девочку на заднее сиденье, а сами с сержантом сели по бокам. (Сержант всю дорогу до морга сидел ни жив, ни мёртв, боялся пошевелиться).

Вернувшись в «контору», я тут же возбудил уголовное дело. Прокурор меня поддержал. За два дня я допросил всех фигурантов: родственников девочки, работяг и их начальство, причём самого главного начальника пришлось достав-

лять силами ОУР и участкового: начальник кричал, что он всем нам «покажет кузькину мать».

И «показ» начался уже на третий день: и мне, и прокурору пошли звонки. Звонили и по линии ЖКХ (город, область), и из исполкома, и из отделов райкома партии. Наконец, в один из дней в кабинет заглянул белый, как полотно, прокурор.

– Нас вызывают в райком. К первому секретарю...

– Почему «нас»? – удивился я. – Я – беспартийный, даже не комсомолец.

– Ну, ты же ведёшь дело!

Прокурор был изрядный трус: я сразу понял, что вызвали его одного, а меня он тянет за собой как «громоотвод».

В назначенный день мы переступили порог кабинета Первого секретаря. «И грянул гром»!

– Ты кто такой?!

Это он – мне.

– Попрошу «на Вы».

Это – я ему.

– Ах, ты, сопляк! Ты с кем разговариваешь?!

– Я – беспартийный, так что Вы для меня – никто.

Он побелел от ярости.

– Да я тебя... Следователишко несчастный! Статью шестую Конституции забыл?!

Была такая статья в Конституции: о руководящей и направляющей роли КПСС.

– «Следователь – самостоятельное лицо и подчиняется только закону», – процитировал я ему УПК. Я тогда был молодой и оттого бесстрашный и глупый: проблемы карьеры меня не волновали.

«Первый» тут же переключился на прокурора.

– Сегодня же прекратить дело!

– Но... там ведь... – начал мямлить прокурор.

– Сегодня же!!! А насчёт этого...

Он кивнул в мою сторону.

– Я позвоню в «область», чтобы его убрали из района.
А теперь – вон отсюда!

Я покинул кабинет первым, следом за мной на подкашивающихся ногах вывалился за дверь прокурор.

– Придётся прекратить дело...

– Через мой труп! И прекратите... не дело: праздновать труса! Что этот ублюдок нам сделает?! За нами – правда и закон!

Дело я, разумеется, не прекратил, а, напротив, на следующий день предъявил обвинение начальнику УЖКХ. Тональность выступлений «общественности» изменилась тут же: мне позвонили уже из горкома партии, величали по имени-отчеству, просили учесть сложную обстановку в районе с ЖКХ, а также то, что местная контора за свой счёт похоронила девочку.

Это было правдой. Более того, нищим родителям «от щедрот отстегнули» три тысячи рублей (для сравнения: государ-

ственная цена новой «Волги» была пять тысяч пятьсот рублей). Как тут было не вспомнить Высоцкого: «Рассовал я их в карманы, где и рупь не ночевал...»!

Бедные родители! Маленького росточка, худенькие, в плохонькой одежонке, восемь классов образования! Они пришли ко мне и, плача, уговаривали прекратить дело в отношении начальника: «он – хороший, он нам так помог»...

Суд приговорил «начальничка» к двум годам исправработ. Наказание – почти символическое, но факт радовал: горластый хам и негодяй заработал судимость...

Прошёл год. И вот однажды оперативники БХСС предложили мне «совершить увлекательное путешествие»... на шахту: я как раз получил материал доследственной проверки о хищениях. Там должна была состояться передача взятки должностному лицу. При мне это «лицо» и взяли с поличным.

«Лицом к лицу лица не разглядеть»? Ещё, как разглядеть: бывший Первый секретарь райкома! На выборах его «прокатали», но так как из номенклатуры выбывают только «ногами вперёд», мужичка определили главным инженером шахты. Здесь он и развернулся: «толкал налево» дефицитный металл и крепёжный лес, которыми крепят кровлю и стены очистных забоев.

– А меня узнаёшь?

И тут он увидел меня! Сначала он просто молча пучил глаза, но когда я сказал ему, что теперь мы будем видеться

часто, он всё понял, заревел и упал на колени! Этот подонок стоял передо мной на коленях! Всё-таки, Бог шельму метит: возмездие свершилось!..

Я довёл дело до конца, хотя это было непросто: опять вмешалась партия. Бывшему «Первому» дали восемь лет усиленного режима с конфискацией имущества, и больше я его не видел. Да и незачем было: всё, что требовалось, я ему уже сказал и доказал...

Глава четвёртая

Братская любовь

Ночь – проклятое (с ударением на первое «о») время для следователя. По какой-то необъяснимой причине убийства совершаются, или обнаруживаются именно в ночное время, когда все нормальные люди спят и видят десятый сон. Но следователь не относится к числу нормальных – обычных – людей. Кстати, начальство никогда не забывает напомнить ему об этом, а также о том, что государство «отрывает от себя» «огромные деньжищи» на прокорм «бесполезных» следователей.

Потом, когда я перешёл в «мирные» юристы – начальником юридического отдела крупного промышленного предприятия – я неоднократно «поминал по матушке» своих ублюдков-начальничков. Только тогда я получил возможности для сравнения. Сравнение убивало всех моих коллег, ещё тянувших лямку следователя: я получал в четыре раза больше (!), имел «железобетонный» восьмичасовой рабочий день (никаких сверхурочных), два законных выходных и законный отпуск, из которого никто не смел отозвать меня досрочно!

Лишь на «гражданке» я понял, насколько жалок

и несчастлив рядовой следователь. Вся эта «книжно-киношная» романтика – для дураков, которые никогда «не впрягались в хомут», которые никогда не испытали на своей шкуре, что такое «И вечный бой – покой нам только снится!». Поэтому что – ни дня, ни ночи, ни суббот, ни воскресений, ни праздников, ни отпусков – одна только «пахота» за жалкие гроши и «подзатыльники» начальства!

Всё это мнимое уважение, весь этот мнимый авторитет – для идиотов, которые понятия не имеют, что такое «всю дорогу на своих двоих» и что такое «один на один с преступлением и преступником». Нет, не в смысле «романтической дуэли»: в смысле отсутствия какой бы то ни было помощи со стороны (прежде всего, начальства), убогой техники времён «зари автомобилизма», отсутствия элементарных условий для работы (лента для пишущей машинки, писчая бумага, копирка и так далее). И всё это под бесконечную «волынку» начальства: «Государство вам платит такие деньги, а вы прекращаете уголовные дела?! Вхолостую работаете! Бездельники!»

Эх, «если б молодость знала, если б старость могла!». Да разве сунулся бы я в эту блядскую профессию! Я ведь шёл на «красный» диплом – и мне трижды предлагали место преподавателя криминалистики в университете с перспективой, пусть и весьма туманной, на аспирантуру! Лучше бы я согласился!..

...Все эти мысли мелькают у меня в голове, пока мы едем

по пустынным ночным улицам на очередной «ночной» труп. Я дежурю по району – и проклятый район не оставляет меня без работы. Место, куда мы приезжаем, мне хорошо знакомо. Хотя, что я говорю: мне хорошо знакомо любое место в этом городском районе на двести пятьдесят тысяч жителей: каждый двор, каждую улицу, каждую просёлочную дорогу здесь я истоптал своими ногами!

Квартира, куда мы направляемся – это, по сути, комната в семейном общежитии. Здесь живут те, кому не повезло жить в другом месте: брошенные родителями дети, брошенные детьми родители, бывшие «зэки», люмпены – словом, «дно» социума. От «бомжей» их отличает разве что штамп о прописке в паспорте.

Дверь в интересующую нас комнату распахнута. На пороге нас встречает молодой парень с уставшим взглядом.

– Это ты звонил в милицию?

Я опережаю своим вопросом майора Трофимова, уже распахнувшего рот для аналогичного вопроса.

– Да.

– Ну, показывай.

«Ну, показывать» незачем: даже с порога хорошо видно распростёртое на кровати тело. Но картинка «в упор» гораздо интереснее: небритый мужик с грязным застиранным трико буквально плавает в луже собственной крови. Это не преувеличение: он действительно плавал в этой луже. Во всяком случае, когда мы с экспертом приподнимаем тело, под ним

хлюпает кровь. Я видел всякое, но такого ни разу. Но удивление моё длится недолго: я приглядываюсь и вижу, что лужа образовалась лишь потому, что простыня была покрыта большим куском толстого полиэтилена. Вот он-то и не давал крови просочиться на пол.

Голова трупа раскроена надвое: сквозь «каньон» в черепе белеют мозги. Голова еле держится на паре шейных мышц и куске кожи: кроме удара сверху потерпевшему нанесён удар по шее. Удар – явно не один: об этом можно судить по следам «примерочных» ударов на шее.

– Кто это?

Я поворачиваюсь к заявителю.

– Мой брат. Старший брат.

– Рассказывай.

«Младший брат» тяжело вздыхает.

– Я был на работе... Задержался там... до восьми...

– А кем работаешь?

– Наладчиком на ЧНФ.

ЧНФ – это чулочно-носочная фабрика, здание которой находится прямо через дорогу от общежития. На ЧНФ работают многие из обитателей этой общаги. Мне хорошо знакома фабрика: я был здесь частым «гостем», когда расследовал хищение в особо крупном размере.

– Дальше!

«Младший» судорожно дёргает кадыком.

– Когда я вошёл, то... сразу увидел...

– И кто мог его «замочить»?

Я не выбираю выражений: не тот контингент, чтобы «метать бисер». Да и пора уже «спрямлять дорогу».

«Младший» неопределённо пожимает плечами. Ко мне подходит Трофимов.

– Можно тебя – на пару слов?

Мы выходим в коридор.

– Слушаю тебя.

Майор прилипает губами к моему уху.

– Мы тут прошвырнулись по соседям, так они в один голос говорят, что убиенный никому покоя не давал после «отсидки». И братцу тоже: «гонял его и в хвост, и в гриву». Издевался, одним словом. Сам, сука не работал ни дня, но жрать и пить требовал от брата как должное. Соседи говорят, что много раз не только слышали, но и видели, как старший избивал младшего.

– Ты думаешь, что...

Фразу я заканчиваю вопросом в глазах – и майор утвердительно кивает головой.

– По-моему, тут всё ясно...

Я морщу лоб.

– Ну, с мотивом... вроде, ясно. А, вот, как насчёт орудия убийства?

– Поищем – найдём! – успокаивает меня Трофимов под соответствующий жест.

Ищем мы вместе, но нахожу я. Потому что знаю, что ищу.

По характеру раны на голове и шее трупа я без труда определяю – опыт! – что здесь орудовали не ножом, а топором. Поэтому я ищу топор. Даже не ищу: я уже знаю, где он может быть. И я нахожу его – в простенке между шкафом и стеной. Здесь и прятать-то негде: чай, не царские хоромы!

Осматриваю топор. Ко мне сразу же подключается Трофимов: майор – такой человек, что ему надо всё пощупать и понюхать лично, не полагаясь только на мнение «товарищей». Я демонстрирую ему топор.

– Похоже, ты прав: его работа. Видишь розоватые потёки на топорище? Явно замывали кровь. А если снять топор...

Я оглядываюсь кругом, но не нахожу то, что ищу. Зову эксперта НТО.

– У тебя есть молоток?

У эксперта есть молоток. Я сбиваю топор с топорища, и «предъявляю» майору следы затёкшей под топор крови. Мы с ним подходим к «младшему» и якобы «увлечённо» обмениваемся мнением друг с другом.

– Ты когда-нибудь видел, чтобы убийца после того как сделал своё дело, ещё и топор вымыл, причём, не свой топор, а заимствованный у будущей жертвы? Это ведь ваш с брательником топор?

Я резко поворачиваюсь к «младшему». Тот вздрагивает и молча кивает головой.

– За что брата «грохнул»?

Это – уже Трофимов: его стиль.

– Вконец «достал», да?

– Это не...

Младший не договаривает и в оцепенении опускается на стул. Трофимов с довольным видом разводит руками.

– Что и требовалось доказать!

Честно говоря, я тоже не собираюсь «углубляться в дебри» и сочинять альтернативные версии. Всё же опыт – большое дело! Некоторые вещи ты постигаешь по наитию, которое, как у Пушкина: «сын ошибок трудных». Иногда вовсе нет доказательств, но ты не сомневаешься в том, что было «так-то и так-то». И не потому, что хочется в это верить, а потому что каждая мелочь вокруг тебя свидетельствует в твою пользу. Её нельзя приобщить к делу – но она есть, и она «вопиет»!

...Мы уводим с собой «младшего», которого десятка полтора соседей провожают сочувственными взглядами и такими же текстами. В «ментовке», куда мы доставляем задержанного, последний не радуется нас признательными показаниями. Больше того: он – классический пример того, о котором говорят: «не проронил ни слова». Но это не потому, что он – такой «тёртый» или такой «стойкий»: он молчит, как неумяемый. Уж, мы-то с Трофимовым насмотрелись подобной публики!

И уже в этот день ко мне в прокуратуру зачастили ходоки – ходатаи за «младшего». Его не просто хвалят: признаются в любви к нему как к сыну, как к внуку, как к брату.

Особенную активность проявляют старушки: они подключат начальство «младшего» и профком ЧНФ. В оценке покойника они также единодушны: подонок, сволочь, негодяй, «которого давно надо было убить!».

А тут ещё выясняется, что «младший» состоит на учёте в психоневрологическом диспансере. Бабки просят меня не привлекать к уголовной ответственности «хорошего человека», но всё, что я могу сделать – это назначить судебно-психиатрическую экспертизу...

Экспертиза признаёт «младшего» невменяемым. Определением суда он направляется на принудительное лечение сроком на два года. Думаю, что он вряд ли в претензии на меня: психиатрический стационар – это, всё-таки, не колония. Да и, по совести говоря, я не рвался «упечь» его: хороший парень сделал доброе дело: «убрал» негодяя. «По трудам – и награда»...

Глава пятая

Жертва урожая

Командировка на село – это не только свежий воздух, аромат нескошенной травы и запах коровьих «лепёшек». Это ещё и полный сейф дел с давно пропущенными сроками и статусом безоговорочных «висяков». За это я должен благодарить следователя-«аборигена», который почувствовав приближение расплаты конкретно за эти дела, а в целом за вопиющий непрофессионализм, оперативно и даже «скоропостижно» «заболел» с помещением в стационар местной больницы.

В наследство от него мне, кроме безнадёжно – с точки зрения «аборигена» – загубленных дел достался шикарный кабинет. «Абориген» был слаб как следователь, но как мастер обустройства личного быта, в том числе, и служебного, был выше всяких похвал и вне конкуренции. Именно поэтому прокурор района могла кусать себе локти от зависти, и она так и делала. И ведь было, от чего: её персональные апартаменты выглядели колхозным сараем на фоне «пятизвёздного» отеля. «Абориген» умудрился сделать двухуровневый пол, на который уложил импортный дубовый паркет. Дубовые панели и встроенные шкафы из того же материала до-

вершали роскошный облик кабинета.

Кроме официальных «покоев» «абориген» обзавёлся и личными. Это была небольшая комнатка за дверью, задрапированной дубовым книжным шкафом. Когда нажималась потаённая кнопка, шкаф отъезжал в сторону и открывал доступ к двери. За ней и находились «личные покои» «аборигена» размером четыре метра на три, с мягким диваном, креслом, журнальным столиком, малогабаритным холодильником и мини-баром. Сюда «абориген» водил особо приглянувшихся ему свидетелей женского пола. Дабы я порадел «голубчику» и хотя бы одно из дюжины загубленных дел довёл до суда, «абориген» выдал мне и секрет потайной комнаты, и ключ от неё с пожеланием хорошо провести время.

Я принялся изучать «опись наследства». Только одно дело из всего перечня не было прекращено производством: по нему просто истекли все допускаемые УПК сроки, которые уже перевалили за шесть месяцев. А дело было арестантским: по обвинению в групповом изнасиловании по нему уже полгода обживали СИЗО два человека. Все остальные дела были прекращены производством либо за отсутствием состава преступления, либо и вовсе за отсутствием события преступления. Похоже, «аборигена» не смущало то обстоятельство, что начальство безжалостно «дрючило» нас за такой «фармазон»: «Зачем возбуждали дело, если нет события преступления?! Только зря переводите государственные деньги да портите нам отчётность!»

Эти дела – на мой пока ещё поверхностный взгляд – не представляли никакой сложности и имели вполне реальную судебную перспективу. Поэтому большинство из них я сразу же возобновил производством. Особо резонансную перспективу представляло собой дело по местному детскому дому, где в результате разгильдяйства администрации погибли шесть воспитанников, наглотававшихся карбофоса. Но сложности оно не представляло, за исключением возможного участия в судьбе начальства «административного ресурса»: райкома и райисполкома. Я не сомневался в том, что однажды они уже повлияли на ход расследования – через следователя-«аборигена». Как я выяснил – почти сразу и без особого труда – дядя «аборигена» работал одним из заместителей председателя райисполкома.

Отказных материалов я нашёл в сейфе совсем немного: всего пять штук. Один был по изнасилованию – заявительница забрала заявление, ещё в трёх фигурировали вполне «мирные покойники. А, вот, последний «отказник» сразу же «зацепил» меня. «Абориген» не стал возбуждать дело, хотя основания для этого лежали на поверхности. Я не удивился такому исходу: «абориген» отличался не только непрофессионализмом, но также склонностью всегда принимать сторону начальства. Он никогда – сужу по анализу его дел – «не вставал горой за обиженных», предпочитая прикрываться «горой» начальства.

А фабула отказного материала была интересной. В сен-

тябре прошлого года (а я прибыл в командировку на следующий год – в середине мая) при, казалось бы, вполне заурядных обстоятельствах погиб рабочий совхоза: его засыпало зерном в бункере. Смерть нелепая, глупая и даже анекдотическая, хотя разве бывает смерть умная?!

На место происшествия выезжал «абориген» – единственный следователь районной прокуратуры на протяжении уже трёх лет (вторую единицу «область» отказалась давать за малым количеством дел в производстве и относительно благополучной криминогенной обстановки). «Абориген» наспех заполнил бланк осмотра места происшествия, опросил пару человек – и благополучно отбыл восвояси. Кроме этих «документов» «отказник» «разжился» только актом судебно-медицинской экспертизы трупа и постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела. Всё.

«Абориген» не стал интересоваться ни личностью потерпевшего, ни обстоятельствами «несчастливого случая», как он сам квалифицировал данный факт, ни тем, каким образом мужик оказался в чреве находящегося под загрузкой бункера. А, вот мне представился случай заинтересоваться. Уже через день от прибытия в командировку Я был «осчастливлен» прокурорской просьбой представить государственное обвинение на выездном заседании вместо неё. Мои возражения формата «я – следователь, а не помощник прокурора!» тут же вдребезги разбивались о неопровержимый довод: «Мы с Вами остались вдвоём!».

И это соответствовало действительности: кроме «аборигена» -дезертира в наличии отсутствовала и штатный помощник прокурора, которая убыла на плановые курсы повышения квалификации. Пришлось ехать. До этой «Тмутаракани» – совхоза имени героя гражданской войны – мы пять часов тряслись на ухабах просёлочной дороги в затрапезном «ПАЗ»е. А когда мы прибыли на место, я не поверил глазам своим: время, казалось, остановилось здесь полвека назад, ещё во времена коллективизации. Такой разрухи и таких забитых крестьян я не видел ещё ни разу.

И такого резкого контраста с начальством я тоже ещё ни разу не видел. Местный директор ездил на новенькой «Волге» мимо своих рабочих, плетущихся на телегах, запряжённых полудохлыми клячами. Когда он заходил в помещение дирекции, все разговоры прекращались – и люди с непокрытыми головами кланялись «барину» в пояс точно так же, как это делали их далёкие предки.

Дельце мы рассмотрели быстро. Я «толкнул» речь, которая почему-то вызвала восторг во всех правоохранительных органах района, суд согласился с предлагаемым мной наказанием – и мы отправились на шикарный обед в совхозную столовую. Директор не пожалел денег... государственных на наше угощение. Меню впечатляло: наваристый борщ с жирной сметаной и огромными кусками говядины, жареный гусь, пироги со всевозможными начинками, салаты из свежих овощей, десерт, водка, коньяк.

Как это контрастировало с тем, что я увидел в рабочей столовке: комплексный обед из жидкого супа с перьями вместо мяса, пюре синюшного цвета из плохо размятых картофелин, и белёсый, насквозь просвечивающий якобы «компот из сухофруктов»! Но этот прискорбный факт не встал у меня «комом в горле»: очень хотелось жрать, тем паче что нас ждал обратный пятичасовой марафон через пустыню.

Ещё до обеда я успел переговорить с несколькими фигурантами интересующего меня дела. Откровенного разговора не получилось: люди опускали глаза и замолкали сразу же, как только слышали фамилию «покойника из бункера». А когда во время обеда директор как бы невзначай поинтересовался моим любопытством на тему бункера, я понял, что здесь надо будет «копать бульдозером». И ещё: мне «очень понравилось», как директор определил покойника: «жертва урожая»

– Урожай в прошлом году был рекордный, забот было по горло, все устали, некоторые потеряли бдительность, впали в халатность – и в результате... такой печальный результат.

Насчёт «рекордного урожая» директор не соврал, только забыл отметить, что рекорд был со знаком минус: таких низких урожаев даже в этом традиционно низкоурожайном совхозе ещё никогда не собирали. И забот действительно было по горло: не успевали отписываться от «верхов» и оправдываться перед всевозможными комиссиями.

Я решил задержаться в совхозе, встав на постой у местного участкового. Пожилой «старлей», узнав причину, нахмурился и покачал головой.

– Зря Вы это затеяли...

– Покажите мне место происхождения!

Именно таким оказался наш «стартовый» диалог. Участковый на своём стареньком мотоцикле доставил меня к бункеру. Бункер выглядел так, как и должен выглядеть бункер типа БЗК: «бункер зерновой с конусным дном». По наружной лестнице я поднялся наверх. Посмотрел в «иллюминатор» и даже открыл «технологический люк в крыше», через который можно было попасть внутрь бункера: внутри имела лестница для спуска.

Судя по материалам «отказника», покойник вывалился из отверстия нижнего конуса, когда на погрузку под него подошла очередная машина. Возникал естественный вопрос: как и зачем будущий покойник оказался в чреве работающего агрегата?

Я начал «танцевать от печки»: «кто такой этот потерпевший?», как сказал бы один киногерой. Мне нужна была неформальная характеристика мужика. И я её получил. Будущая жертва в бытность живым человеком «работала» правдоискателем: членом профкома совхоза. Неблагодарное это занятие – заступаться за тех, кто боится собственной тени в этой затерянной среди песков «сатрапии».

Я поднял протоколы заседаний профкома. Оказалось,

что не было ни одного заседания, на котором «наш герой» не клеймил бы совхозное руководство – в лице директора – позором и разными нехорошими словами. А последний «прижизненный» протокол и вовсе заинтриговал меня: «правдоискатель» грозился разоблачить преступления директора и сообщить обо всех известных ему фактах в прокуратуру и КГБ. Судя по записям в протоколе, призыв «бороться сообща» оказался «гласом вопиющего в пустыне»: дураков выступить против «Бога и царя в одном лице» не нашлось, хотя их и искать не требовалось – только они здесь и имелись.

Вопрос второй, который меня интересовал помимо личности потерпевшего: какого хрена он делал на площадке бункера, если обслуживание загрузки бункера не входило в его служебные обязанности? Он – всего лишь механик! Документов, подтверждающих неисправность установки, я не нашёл. Но на площадке бункера он оказался! Зачем и по чьему распоряжению?

Последнюю часть вопроса я прояснил достаточно быстро: распоряжение отдал заместитель директора. Я даже установил основание для этого: заму сообщили, что оператор БЗК заболел и заменить его некем.

– Вы сами приняли решение заменить его «правдоискателем»?

Заместитель неожиданно забежал глазами.

– Отвечайте на вопрос!

– Хм... Ну, я сказал, что у меня нет свободных людей...

– Кому сказал?

– Хм... Директору...

– А он?

– Хм...

На этот раз пауза длилась дольше обычного, и мне пришлось взбодрить начальника.

– Ну?

– Хм... Директор предложил... этого... покойника... будущего...

– Других не нашлось?

Я уже не скрывал иронии – а зам не скрывал растерянности и даже испуга. Лысина его побагровела и покрылась бисеринками пота.

– Кто определил нетрудоспособность оператора?

Я решил использовать метод Остапа Бендера: «Больше непонятного!» в переложении на «Больше неожиданного!» Думаю, что мы с «великим комбинатором» не ошибаемся: люди больше всего боятся непонятного и неожиданного. Во всяком случае, резкий разворот в разговоре застиг зама врасплох. Он ответил не сразу.

– Наверно... в нашем медпункте...

– Идём туда!

И мы идём туда.

Заведующая краснеет и бледнеет – и очень неумело пытается врать.

– Была высокая температура... Я прописала постельный режим...

– Но его в это утро видели здесь!

Я вру напропалую, но так надо! И это действует: заведующая бледнеет ещё сильнее.

– Что, умирающий из последних сил добрался до медпункта, чтобы ему поставили градусник? Или клизму?

Заведующая напрасно умоляет глазами зама: тот «отсутствует в наличии». По этой причине мой вопрос остаётся без ответа. Но без ответа остаётся лишь вопрос к заведующей: интересующий меня ответ я уже получил.

А потом я допрашиваю мужичков – коллег покойного по работе: не было ли чего-нибудь необычного в день смерти «правдоискателя» в районе бункера? И только ветхий сторож, из «днища» которого давно уже «сыплется песок», вспомнил, что он видел «смертельно больного» оператора на смотровой площадке бункера вместе с «правдоискателем». Это уже было совсем интересно!

Я принимаюсь за оператора. Поскольку всю работу я сделал за день, он не успел сориентироваться в обстановке и «подготовиться к удару». И я «ударил» его – очень сильно: «За что Вы убили „правдоискателя“?». Дабы закрепить эффект, я «сдаю» негодяю некоторые из компрометирующих его фактов. И «товарищ поплыл».

– Это не я... Меня директор заставил...

– А как же его зерном засыпало, а? Он, что: случайно по-

шёл вниз, не предупредив оператора, а тот случайно, не будучи предупреждён, включил агрегат? Только оператора там в этот момент не было! Значит, это ты столкнул бедолагу в бункер?

– Меня директор заставил...

– Но включил загрузку бункера ты? Двадцать тонн на голову бедного «правдоискателя» ты отгрузил?

– Не я... То есть, я, но по приказу директора...

Я закрываю убийца в сарае, который служил местному участковому местным же КПЗ. Директора «брат» я сегодня не готов: что ему показания забитого колхозника?! Тем более, я уже знаю, что директор регулярно «отстёгивает «наверх» своей «партийно-государственной крыше». Его так просто – за рупь, за двадцать – не возьмёшь! Утром я арендую милицейский мотоцикл – вместе с милиционером – и мы этапирруем подозреваемого в РОВД.

В тот же день я наведываюсь к районному эксперту, который делал вскрытие трупа. Меня интересует два вопроса: сохранилась ли одежда покойного, и не были ли обнаружены на трупе прижизненные телесные повреждения? Одежда покойного оказалась не востребованной по причине отсутствия «наследников», и обслуга бюро каким-то чудом – имя которому «колхозный бардак» – не выбросила вещи на помойку. В кармане штанов я нахожу вполне ещё «читабельную» половину тетрадного листа с исполненным шариковой ручкой текстом: «В областную прокуратуру от... Прошу при-

нять меры к нашему директору за систематическое воровство и обман государства. Он занимается приписками в особо крупном размере. Сданные объекты существуют только на бумаге. Вот их перечень...»

И далее шёл «увесистый» перечень. На перечне запись и обрывалась: автор не успел закончить письмо. Я не сомневаюсь в авторстве, но закон есть закон, и я назначаю почерковедческую экспертизу. Вопрос о «прижизненных телесных повреждениях» неожиданно вызывает волнение у эксперта.

– Я ведь всё указал в акте...

– Всё?!

Я не церемонюсь с «колхозными коновалами»: «видали мы зверей почище льва, и то от них летели клочья»! И это действует практически безотказно. Но «контрольный выстрел» не помешает – для большей наглядности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.